

УДК 82.09:821.511.152

DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-3-461-469

Авторские формы и приёмы воплощения психологизма в повестях Г. Пинясова («Жаркое лето», «Крест»)

Н. Н. Левина

*Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет имени Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Российская Федерация,
LEV.NataliyaN@yandex.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья посвящена изучению психологического анализа в повестях Г. Пинясова – одного из широко известных представителей современной мордовской прозы. В связи с тем, что психологизм является ярко выраженной стилиевой доминантой творчества автора, предметом анализа стали основные формы и приёмы художественного постижения процессов внутренних интенций персонажей. Работа вписывается в комплекс исследований финно-угорского литературоведения, касающихся принципов и средств художественного самовыражения писателя.

Цель: представить анализ художественных форм и приёмов психологизма в повестях Г. Пинясова.

Материалы исследования: повести Г. Пинясова «Жаркое лето», «Крест».

Результаты и научная новизна. Основные результаты исследования связаны с научной рефлексией авторских форм и приёмов психологизма в прозаических опытах Г. Пинясова, исследованием совокупности, значимости и функциональности методов и средств постижения, полного и глубокого раскрытия внутреннего мира художественных образов. Анализируемые повести свидетельствуют о тяготении писателя к раскрытию различных психологических состояний личности, в связи с чем душевные проявления, индивидуальные интенции персонажей всецело поглощают авторское внимание. В целях создания наиболее полноценного художественного образа, интерпретации чувств, мыслей, мотивов поведения, желаний, представлений персонажа автор сочетает и взаимодополняет внешние (визуальные портреты, прямые авторские размышления, обстановку действия, поступки, образы-символы, диалоги, речь героя, и др.) и внутренние (монологи, самоанализ героя, ретроспекции, исповеди, эмоциональные реакции, изложение мыслей и др.) характеристики.

Научная новизна обусловлена выявлением особенностей интерпретации и художественной нагрузки форм и приёмов психологизма в текстовом пространстве повестей Г. Пинясова. В связи с тем, что критический материал о творчестве автора представляет собой лишь частичное описание форм и средств постижения характеров людей, их внутреннего мира, возникает необходимость актуализации и системного анализа психологизма в эпических экспериментах автора.

Ключевые слова: повесть, психологизм, форма, приём, психологический анализ, внутренний мир, портретно-психологическая характеристика, художественный образ, персонаж, автор.

Для цитирования: Левина Н. Н. Авторские формы и приёмы воплощения психологизма в повестях Г. Пинясова («Жаркое лето», «Крест») // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 3. С. 461–469.

Author's forms and techniques of embodiment of psychologism in G. Pinyasov's novellas («The Hot Summer», «The Cross»)

N. N. Levina

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
LEV.NataliyaN@yandex.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is concerned with the study of psychological analysis in G. Pinyasov's novellas, one of the well-known representatives of modern Mordovian prose. Due to the fact that psychologism is a pronounced stylistic dominant of the author's work, the main forms and techniques of artistic comprehension of the processes of internal intentions of the characters became the subject of analysis. The work fits into the complex of studies of Finno-Ugric literary studies concerning the principles and means of artistic expression of the writer.

Objective: to present an analysis of artistic forms and techniques of psychologism in G. Pinyasov's novellas.

Research materials: the novellas by G. Pinyasov's.

Results and novelty of the research: the main results of the research are related to the scientific reflection of the author's forms and techniques of psychologism in the prose experiments of G. Pinyasov, the study of the totality, significance and functionality of methods and means of comprehension, full and deep disclosure of the inner world of artistic images. The analyzed novellas indicate the writer's attraction to the disclosure of various psychological states of a person, in connection with which the emotional manifestations, individual intentions of the characters completely absorb the author's attention. In order to create the most complete artistic image, interpretation of feelings, thoughts, motives of behavior, desires, representations of the character, the author combines and complements external (visual portraits, direct author's reflections, personal actions, actions, images-symbols, dialogues, speech of the hero, etc.) and internal (monologues, introspection of the hero, flashbacks, confessions, emotional reactions, presentation of thoughts, etc.) characteristics.

The scientific novelty is due to the identification of the peculiarities of interpretation and artistic load of forms and techniques of psychologism in the text space of G. Pinyasov's novellas. Due to the fact that the critical material about the author's work is only a partial description of the forms and means of comprehending the characters of people, their inner world, it becomes necessary to actualize and systematically analyze psychologism in the author's epic experiments.

Key words: novella, psychologism, form, technique, psychological analysis, inner world, portrait-psychological characteristics, artistic image, character, author.

For citation: Levina N. N. Author's forms and techniques of embodiment of psychologism in G. Pinyasov's novellas («The Hot Summer», «The Cross») // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies.* 2021; 11 (3): 461–469.

Введение

В современном литературоведении одной из ключевых проблем является изучение психологизма как литературного явления, поскольку он как «достаточно полное, подробное и глубокое изображение чувств, мыслей, переживаний вымышленной личности» [10, 18] является важнейшим и показательным свойством художественных произведений. В связи с неослабевающим тяготением писателей к изображению внутреннего мира человека в науке о литературе «продолжает сохраняться стойкий академический интерес к изучению психологизма» [4, 70], на материале художественных текстов создаётся немало значимых научных исследований отечественных и зарубежных учёных [5; 7; 10; 21; 23; 24] о данном явлении в художественной словесности, описываются пути развития, типология, арсенал художественных возможностей [2; 11; 22; 25; 26].

Соотношение, а также разграничение в науке о литературе термина «психологизм» с такими близкими ему понятиями, как «психологический анализ», «психологический рисунок», «психологическое изображение» и «психологичность» привело к противоречиям и нечёткости определений. В то же время в трудах ведущих отечественных литературоведов данный термин трактуется как принцип организации художественного целого, при котором средства образности направлены на подробный и глубинный показ душевной жизни человека в многообразных её проявлениях [5; 10; 7; 21]. Поэтому фиксация какого-либо чувства и переживания персонажа ещё не является поводом говорить о психологизме. Данное понятие гораздо шире и объёмней, оно подразумевает пристальное внимание автора к внутрен-

нему миру персонажа, глубокое проникновение в тайники его души, подробное описание и анализ различных эмоциональных порывов, состояний, внимание к оттенкам переживаний и чувств, то есть «является не чем иным, как подробным и глубоким психологическим изображением» [17, 139]. В качестве отличительных особенностей произведений с характерными признаками психологизма отмечается также то, что читатель в процессе чтения «задумывается о себе, о жизни и делает определённые выводы. Это – поиск своего «я», попытка взглянуть внутрь себя» [8, 176].

Степень проникновения в глубинные интенции человека у каждого писателя бывает различна. В зависимости от выбора средств раскрытия внутреннего облика героя, в науке о литературе выделяются прямая (показ личности «изнутри», посредством проникновения в сознание, душу), косвенная (изображение особенностей поведения через внешние признаки) и суммарно-обозначающая (комментарии через речь повествователя действий и поступков, реплик героя) формы психологического анализа, получившие признание в работах многих исследователей [2; 10; 20]. Современные авторы в пределах одного произведения для раскрытия душевного состояния художественного образа используют, как правило, все три формы, которые во взаимодействии друг с другом приобретают способность глубже и нагляднее характеризовать внутренний мир героя, дают «возможность реципиенту осознать динамику развития мыслей и поступков персонажа, сформировать своё видение изображаемого» [6, 318].

В мордовском литературоведении критическое осмысление прозаических опытов Г. Пинясова продолжается на протяжении нескольких

десятилетий. Применительно к его прозе неоднократно ставились вопросы, касающиеся проблемно-тематического диапазона, формально-содержательной организации, поэтики образа, средств изобразительности и др. [12; 16]. Сформировавшаяся критическая оценка творчества писателя позволяет сделать вывод, что психологизм в его произведениях имеет художественно-эстетическую ценность и является показателем авторского мировоззрения. Однако при всей значимости существующих интерпретаций художественная актуализация психологизма в повестях Г. Пинясова полноценной оценки до сих пор не получила. Вне поля зрения исследователей остались вопросы соотношения различных форм психологизма, совокупность, значимость и функциональность специфических средств постижения, полного и глубокого раскрытия внутреннего мира художественных образов, их ощущений, чувств, переживаний, мотивов поведения и т. д. Поэтому обсуждение вопросов о психологизме в повестях автора является вполне обоснованным.

В данной статье, опираясь на существующие подходы к анализу авторских форм и приёмов психологического анализа, рассматриваются неизученные стороны обозначенной проблемы в творческой практике прозаика, уточняются подходы и средства постижения и интерпретации внутреннего мира человека.

Материалы и методы

Материалом исследования явились повести Г. Пинясова «Жаркое лето», «Крест» [18; 19], являющиеся достойными образцами психологической прозы в мордовской литературе. Автор синтезирует различные формы и приёмы психологизма по принципу взаимодействия и дополнительности, что предполагает их разноаспектное изучение. При анализе художественного материала в статье используется совокупность следующих методов филологического исследования: историко-литературный, структурно-семантический, проблемно-эстетический, типологический, – каждый из которых позволяет выявить особенности художественной актуализации психологизма как характерного явления в повестях автора.

Результаты

Психологизм, являясь «особым художественным качеством» [15, 61], присущ творческим опытам любого яркого художника слова. Прозаическое наследие Г. Пинясова не стало исключением.

Доминантой художественного самовыражения писателя становится психологизм, являющийся специфическим средством интерпретации и оценки внутреннего мира человека и мотивов его поведения. Исследователями творчества писателя не раз отмечались широта диапазона стилиобразующих средств, объективность изображения полноты и правды жизни, верный анализ психологических явлений [12; 14; 16]. Художественная актуализация психологизма в прозе Г. Пинясова заключается в преимущественном интересе к жизни обычных людей, к трактовке образов которых писатель подходит, прежде всего, как психолог, его интересуют «драмы, разыгрывающиеся в душах героев» [13, 4]. Усиленное внимание автора к внутреннему миру человека формирует основные формы и приёмы интерпретации персонажей, среди которых необходимо отметить совокупность внешних (портрет, интерьер, обстановка действия, художественные детали, диалоги, образы-символы, пейзажи) описаний и внутренних (монологи, исповеди, ретроспекции, эмоциональные реакции, изложение мыслей, чувств) характеристик персонажа, а также оценку происходящего от лица повествователя. При этом внешние детали и суждения рассказчика в произведениях автора не просто выполняют функцию непосредственного воспроизведения художественного полотна, но и воспринимаются «как стимул или итог определённой внутренней, эмоционально-мыслительной работы или как проявление определённого душевного состояния» [10, 3] и входят в «поток размышлений героев, стимулируют мысль, воспринимаются и эмоционально переживаются» [10, 4].

Психологизм в изображении персонажей с максимальной полнотой сказался в повестях Г. Пинясова «Жаркое лето», «Крест», в которых зримо ощущается неразрывность между внешними качествами человека и его внутренними интенциями, мироощущением.

В повести «Жаркое лето» система образов построена традиционно: наличие одного главного и ряда второстепенных персонажей. Для обрисовки центрального образа автор избирает прямую форму психологического анализа, в частности внутренние мысли, противоречия, самоанализ. К ряду второстепенных персонажей, играющих важнейшую, подчас решающую роль в раскрытии характера главного героя, применимы портретно-психологические описания, интерпретирующие их наиболее эксплицитно.

Речь повествователя, его комментарии к поступкам, эмоциям персонажей, как приёмы суммарно-обозначающей формы психологизма, также способствуют пониманию и рефлексии чувств, переживаемых героями в моменты глубоких душевных переживаний.

Главный герой повести «Жаркое лето» – фронтовик Илья Кужин. В родное село с войны он возвращается инвалидом. Однако здесь его встретили неприветливо, отчуждённо: все знают, что Илья убил на фронте Петра Сяргина, своего, деревенского, который дезертировал с поля боя.

Автор убедительно показывает внутреннее горение и сомнения Ильи. Вот уже который раз фронтовик задаётся вопросом: правильно ли он поступил, убив Петра Сяргина, имел ли он право? В атмосфере особого драматизма и психологического напряжения проходили встречи Ильи с родственниками убитого. Но в душе Кужин понимает, что поступок, мучавший его, имел оправдание. Он, как истинный патриот, не мог допустить, чтобы враг шагнул по его земле. Эксплицитная интерпретация душевных страданий Ильи становится средством реализации внутреннего конфликта и продуктивным приёмом психологической характеристики.

Образ Ильи Кужина – традиционный. Это мужественный солдат, патриот, чётко осознающий, что над Родиной нависла угроза физического уничтожения. При его трактовке авторское внимание сосредоточено на тех личностных характеристиках, которые своими корнями уходят в историко-культурные традиции мордовского народа, и по сей день не теряют свою ценность. Илья является олицетворением высокой морали и нравственной состоятельности. Его образ создан реалистическими красками, в нём воплощены типичные черты воина-победителя, человека-труженика: мужество, человечность, трудолюбие, сила воли, разум. Поэтому во имя спасения своего народа, его свободы и достоинства рука героя была сурова к дезертиру. Со временем в сознании Кужина понимание правильности своего поступка проявляется всё более чётко.

Дальнейшему развитию действия, внутреннему движению образов, изменению их психологических состояний служит сюжетная организация повести: событийная основа продумана и разворачивается таким образом, что правота Ильи становится очевидной для всех. Автор в повествовательную ткань включает образы дезертиров. Его перо беспощадно к людям, предавшим свою

Родину и близких людей. Писатель даёт глубокую мотивировку их поступкам. По собственной воле они обречены на дикое существование в лесу, прячась в оврагах.

В сцене случайной встречи Ильи Кужина с одним из дезертиров раскрывается звериная сущность, безысходность и моральная гибель последнего. Авторские реплики, короткий диалог и детали внешнего портрета служат средством обрисовки психологического портрета: «Дезертир одет в грязную холщовую рубаху, из-за грязи её цвет невозможно определить, синие галифе покрыты масляными пятнами, и обут в стоптанные сапоги; без фуражки, волосы, видать, с полгода не трогала расческа, и на макушке с готовностью свила бы гнездо ворона...

Ну, здравствуй, Илья! – первым сказал Учкин и присел в метрах пяти от Кужина. Голос у дезертира глухой, сиплый и звучал, как со дна заброшенного колодца.

Против кого воюешь, лешак? – Илья не ответил на приветствие.

Какое там воюешь. Спасаем свои шкуры... Илья, неужто лешаком кажусь?

– Не лешаком, Павел, зверем, бешеным зверем. Увидел тебя и испугался. А теперь вижу, ты сам дрожишь.

Глаза дезертира вдруг забегали. Не поворачивая головы, он искоса позыркал кругом, длинным языком по-собачьи облизнул губы, закрытые бордой» [18, 56].

Момент встречи Ильи с дезертиром основан на их эмоциях. Суммарно-обозначающая форма психологизма указывает на внешнюю причину переживаемых ощущений. Удивление и страх, побуждённые внезапностью и неожиданностью встречи в лесной чаще, являются объединяющим чувством персонажей. В какой-то момент оба прибывают в точку наивысшего психологического напряжения. Однако для Ильи эти чувства недолговечны. Г. Пинясов передаёт преодоление этих ощущений небольшой временной паузой, что служит усилению семантического контраста.

Внешний облик дезертиров полностью совпадает с их действиями, поведением и психологическим портретом. Они не щадили сельчан, угоняли у них скот и оставляли голодными. От их жестоких рук погибли мать Ильи Кужина, Федор Поликарпович, Дмитрий Сяргин. Никто не принял сторону дезертиров, от них отвернулись семьи, родные люди. Автор убедителен в показе их отчаяния, злости и духовного краха.

Трактовка образа председателя колхоза Дмитрия Сяргина, брата убитого Петра, в повести представлена в динамике. Продуктивной формой при его раскрытии также является портретно-психологическая характеристика. Специфика визуальных описаний персонажа способствует созданию общего настроения, которое сложилось вокруг него и относительно к нему, и усиливают многогранность образа. Экскурс в прошлое многое объясняет в характере и в поведении героя. Раньше Сяргин не принимал самостоятельных решений, за него это делали отец и братья. С началом войны с детства покалеченная рука помогла избежать призыва на фронт, и он с четырёхклассным образованием стал председателем колхоза. Со временем в нём прорезались начальственные нотки, куда-то исчезли застенчивость и стеснительность. Он научился требовать и уже не мог терпеть непослушания. В его действиях, поступках, речи подчёркивается напыщенная важность и высокомерие. Переменил председатель внешность и одежду. Автор даёт его визуальную характеристику: «И одежда, и весь облик председателя поразили его (Илью – Н. Л.): на Сяргине синяя гимнастёрка, на поясе перехваченная широким ремнём, такого же цвета галифе, на коленях поблескивали ромбовидные заплатки, хромовые сапоги начищены до блеска. Тёмные волосы Сяргина гладко причёсаны, под мясистым разляпистым носом торпорщились короткие усики. Покалеченная правая рука покоилась в петле, свисающей с шеи. Как у многих в их роду, у Митьки глаза чуть навькате. Лицо гладкое и чисто выбрито» [18, 23].

Встреча с дезертирами круто изменила жизнь председателя. Он вынужден помогать им продуктами, предупреждать об опасности. По мере развития действия конфликт между ними достигает наивысшего напряжения. Автор разрешает его смертью Сяргина: он погибает от руки дезертира.

Г. Пинясова интересуется прежде всего «не человеческое лицо, а изображение личности, взятой в отдельный исторический период» [9, 162]. Поэтому функциональность портретных деталей в нарративе повести не ограничивается изображением внешнего облика. Визуальные характеристики, несомненно, способствуют раскрытию человеческой сущности персонажа и призваны воспроизводить его внутренний мир.

Обращением к психологии образа, внимательным отношением к внутренним движениям и мотивации поступков героя отличается повесть Г. Пинясова «Крест».

Сюжетно-композиционное построение произведения основано на столкновении жизненных интересов Алексея Мироновича Сявкина, по-уличному – Буйвола, и Сергея Пуряева, друга детства Шурка, сына Алексея.

История взаимоотношений героев уходит в прошлое. Алексей когда-то увёл со двора Пуряевых корову, единственную кормилицу. Сергей обещал отцу перед смертью, что обязательно узнает и накажет вора. Автор сталкивает своих героев в тот момент, «когда должно быть решено противоречие, когда должна открыться правда, наступить неотвратимое наказание за содеянное» [12, 74], и дальнейший ход сюжета повести развивается как нравственный суд одного человека над другим. Для того, чтобы раскрыть поступки, мотивы поведения героев, автор сочетает различные формы интерпретации образов по принципу дополнительности, «герои не могут только думать и говорить или только действовать молча» [2, 88].

Привлекают внимание способы репрезентации характера Алексея, центрального персонажа повести. Художественное выражение пристального интереса к глубинным пластам его личности, внутренней жизни позволяют автору дать достаточно реалистическое описание человеческого поведения.

Алексей – полностью сконцентрированный на своём материальном благополучии человек. Жажда наживы научила прибираться к рукам всё то, что плохо лежит. Сначала Алексей воровал колхозную скотину: «индейки, барашки ныряли в чугунки ровно три года» [19, 34]. Позже, когда он потерял должность заведующего фермой, его воровские руки добрались и до частных дворов. Охотник до чужого добра, он со своими друзьями не щадил ни сирот, ни стариков, ни инвалидов: «Для матерого воруги ничего святого не существует. Он готов обмануть самого себя» [19, 39]. Слова, с усмешкой произнесённые перед иконами, указывают на его жизненную позицию: «На небе, говорят, мягче, а на земле сытнее» [19, 39].

Художественной реализацией различных форм и приёмов психологизма (воспоминаний, самоанализа, снов, деталей, образов-символов, предметов, пророчеств, речи повествователя, его комментариев к репликам, поступкам героя и др.), наделённых определённой смысловой нагрузкой и способствующих обрисовке внутреннего портрета, неоднократно подчёркивается шаткость душевного равновесия персонажа. Отдельные

художественные средства в дальнейшем развитии сюжета приобретают символическое значение, как бы «предсказывают» развитие событий.

Впервые душевный покой Алексея был нарушен дурной вестью: в поле у стога соломы замёрз мужик из соседней деревни, его друг по воровскому делу. Вторично испуг обуял его весной того же года, когда погиб второй друг по воровству – в лесу бревном придавило. С тех пор страх стал постоянным спутником Алексея, обручем стянул ему грудь.

Однако внутренние страдания Алексея не были связаны с воровским прошлым. Он не спешил каяться в содеянном. Больше всего его мучил страх быть разоблачённым. Сергей Пуряев, чувствуется, всерьёз взялся за него. Буйвол пытается понять мысли Сергея. Уже который раз он прокручивает в памяти недавнее событие, когда тот его вытащил из полыньи. Тогда Алексей, испугавшись за свою жизнь, в минуты отчаяния взболтнул лишнее, выдал себя. А Сергей наконец получил ответ на давно мучавший его вопрос. Авторские комментарии ощущений героя способствуют обрисовке его психологического портрета.

Чтобы докопаться до глубин психологических состояний и переживаний персонажей, Г. Пинясов обращается к художественной детали, которая «обязательно обратит на себя внимание читателя и не отпустит без попытки её истолкования» [3, 535]. Таковой в повести является доска, при помощи которой Пуряев вытащил из ледяной воды обидчика своей семьи. Сергей, поняв, что вор, укравший корову со двора – это Алексей, вручил ему спасительную доску, велел беречь её и долго жить. Алексей, сам не зная зачем, прислонил её к забору возле дома. С тех пор этот предмет каждый день напоминает ему о случившемся, не даёт покоя, терзает сердце и разум, пророчит разоблачение и неизбежность нравственного суда.

В целях наиболее эксплицитного раскрытия эмоционального фона героя автор неоднократно обращается к приёму литературного сна. Включение сновидений в структуру текста воспринимается не столько как «психофизическое явление, а как важный элемент художественного произведения, имеющий репродуцирующий смысл, выполняющий символическую функцию в составе целого» [1, 39]. Данный приём позволяет рассмотреть внутренний мир персонажа в несколько необычном ракурсе. В одном из случаев сон выполняет свою обычную функцию – возможность для Алексея увидеть себя со стороны:

во сне происходит материализация внутреннего мира, его душевного состояния, и сам герой одновременно оказывается субъектом и объектом сновидения. В другой раз посредством сна даётся оценка его делам и поступкам от лица покойного отца: «– Сынок, совсем пропащий ты человек. Изгнал ты своего внутреннего Бога. Ворованным куском мяса выжал... Стал ты слепее самого незрячего...» [19, 42–43].

Полным антиподом Алексея представлен Сергей Пуряев. Два этих героя взаимозависимы, что в той или иной степени проявляется на протяжении всего повествования. Сергей зарабатывает свой хлеб честным трудом. Он механик в колхозе. Герой ещё молод, но жизненные позиции его давно уже сформированы. Жизненный уклад Сергея хорошо представлен в диалоге с Шурком, другом детства: «Завидую тебе, Серёжа. У тебя кругом всё своё: дом, семья, сад. Даже во дворе своим навозом тянет. <...> Вижу: ты человеком себя на земле чувствуешь. И место своё и цену свою знаешь» [19, 50–51].

Автор наделяет героя трудолюбием, честностью, серьёзным отношением к людям, конкретностью, твёрдой жизненной позицией. Доминирующими чертами его характера являются ощущение внутренней силы, спокойствия и уверенности. Он не способен к лицемерию, лжи. Поэтому даже по отношению к Алексею, свершая над ним нравственный суд, он предельно честен.

На протяжении всего повествования автором подчёркивается полярность жизненных позиций героев. Очевидно, что у них нет шансов на примирение. Алексей на протяжении всего нарратива испытывается чувством страха, тревоги, внутреннего дискомфорта, в то время как в душе Сергея царят спокойствие, уверенность и внутреннее превосходство.

Г. Пинясов давно зарекомендовал себя как мастер психологических характеристик. Чтобы глубже заглянуть в самые потаённые уголки души своих героев, он «через психологические процессы – ощущение, восприятие, память, воображение, мышление, волевые решения, чувства раскрывает закономерности жизни того и другого типа людей» [12, 76].

Творческое сочетание и полифункциональность различных форм и приёмов постижения глубин человеческого характера является свидетельством того, что психологизм как элемент поэтики являлся неотъемлемым качеством повестей Г. Пинясова.

Обсуждение и заключение

Таким образом, в художественном мире Г. Пинясова психологизм занимает значительное место. В частности, в повестях «Жаркое лето», «Крест» творческие силы прозаика направлены на постижение глубин человеческого характера, мотивов поведения, внутренних ощущений. Желанием создать полноценный художественный образ продиктовано включение в структуру повестей различных форм психологизма с присущими им разнообразными приёмами. Художник слова использует их по принципу взаимодействия и дополнительности, что является одним из наиболее эффективных способов раскрытия образа персонажа и его внутренних интенций.

Раскрыть душевный мир героя автор пытается как бы «изнутри» [2; 5; 7; 11; 20], посредством внутренних монологов, воспоминаний, самоанализа изображает его мысли и переживания. Данные приёмы позволяют выявить индивидуальные черты характера личности, отличающие её от окружающих, дают возможность проследить внутреннее развитие героя, развёрнуто показывают его размышления.

Различные приёмы косвенного психологизма, сохраняя функцию непосредственного выражения художественного содержания, характеризуя внешнюю обстановку и детали, в структуре текста приобретают и другую важнейшую функцию – вторгаться в психологические процессы, сопровождать и обрамлять их. Предметы, визуальные

характеристики, детали, символы, зрительные образы и другие средства изобразительности, встроенные в общую канву произведения, имеют свойство входить в поток размышлений героев, характеризуют их мысли, чувства, переживания, эмоциональное состояние, то есть усиливают многогранность художественных образов и служат способом репрезентации характера персонажа.

Наряду с прямыми и косвенными характеристиками персонажа в художественном нарративе анализируемых повестей имеют место высказывания и речь повествователя, относящиеся к приёмам суммарно-обозначающей формы психологизма. Их функции заключаются в комментировании действий и поступков героя, его эмоциональных проявлений, жестов, визуальных деталей, реплик и других индивидуальных черт, а также раскрытию истинных мотивов поведения.

Психологическая проницательность автора, совокупность, многофункциональность и мастерское использование элементов, призванных воспроизводить внутренний мир героев, изображать внешнее бытие, комментарии и оценка повествователя позволяют наглядно и детально раскрыть душевные движения персонажей. Различные формы и приёмы психологизма также служат средством интерпретации смыслового, жанрового и стилистического потенциала поэтики повестей «Жаркое лето», «Крест» и представляют художественное и философское мировосприятие и миропонимание автора.

Список источников и литературы

1. Абдуллина А. Ш., Лысова О. В. Символы снов в романе Т. Гариповой «Бейрэкэй» («Буренушка») // Проблемы востоковедения. 2019. № 2 (84). С. 39–45.
2. Андреев А. Н. Целостный анализ литературного произведения: учебное пособие для студентов вузов. Минск: Электронная книга БГУ, 2003. 144 с.
3. Андросова Т. Л., Васильева Т. Н. Особенности художественной детали в повести В. Гаврильевой «Любовь осени» // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5 (78). С. 534–537.
4. Бестолков Д. А. Принципы художественной актуализации психологизма в рассказах Ивана Мележа // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 1 (4). С. 70–71.
5. Бочаров С. Г. Филологические сюжеты. М.: Языки русской культуры, 2007. 653 с.
6. Герасименко Е. В., Лушникова Г. И. Художественные формы создания психологического портрета главной героини в романе Гиллиан Флин «Исчезнувшая» // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77). С. 318–320.
7. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977. 448 с.
8. Горжая А. А. Психологическая женская проза как объект исследования // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 2. С. 175–181.
9. Дровалева Н. А. Художественная специфика портрета в символической прозе (В. Я. Брюсов и А. Белый) // Филологический класс. 2020. № 2 (25). С. 150–167.
10. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. М.: Просвещение, 1988. 176 с.
11. Есин А. Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения. М.: Флинта, 2008. 248 с.
12. Жиндеева Е. А. Исповедальность повествования Г. Пинясова (на примере повестей «Крест», «Последний из Каргужей») // Мордовская филология в контексте национальной культуры: матер. Всерос. науч.-пр. конференции (23–24 марта 2006 г.) / под ред. В. М. Макушкина. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2006. С. 73–79.

13. Зайцева Е. Л. К вопросу о поэтике психологизма в романной прозе А. Ф. Писемского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2007. № 1. С. 3–7.
14. Каторова А. М., Макарова Ю. В. Особенности художественной речи в рассказе Г. Пинясова «Пацфтома вайме» («Душа без крыльев») // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 4 (44). С. 132–137.
15. Кудрявцева Р. А. Художественная деталь как приём психологизации повествования в марийском рассказе конца XX века (на примере рассказа Геннадия Алексева «Жаркий день») // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 5 (143). С. 61–66.
16. Малькина М. И., Кубанцев Т. И. Повесть: обновление традиций // Современная мордовская литература (60–80-е годы). В 2 ч. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. Ч. 1. С. 134–158.
17. Миколайчик М. В. Художественный психологизм и его место в системе литературоведческих терминов и понятий // Вопросы русской литературы. 2014. № 29 (86). С. 134–143.
18. Пинясов Г. И. Жаркое лето: повести. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. 270 с.
19. Пинясов Г. Старые раны: повести и рассказы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. 384 с.
20. Страхов И. В. Психологический анализ в литературном творчестве: пособие для студентов пед. ин-тов: в 5 ч. Саратов: Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1973. Ч. 1. 57 с.
21. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 2004. 405 с.
22. Brunei P. La littérature française aujourd'hui: Essai sur la littérature française dans la seconde moitié du XX-e siècle. Paris: Vuibert, 1997. 222 p.
23. Blanckeman B. Le Roman français aujourd'hui: transformations, perceptions, mythologies. Paris: Pretexte, 2004. 123 p.
24. Lubbock P. The craft of fiction. New York: Fontana Press., 1957. 247 p.
25. Wiese Benno von. Der deutsche Roman: Vom Barock bis zur Gegenwart: Struktur und Geschichte. 2: Vom Realismus bis zur Gegenwart. Dusseldorf: Bagel, 1965. 455 p.
26. Viart D., Vercier B. La littérature française au présent. Héritage, modernité, mutations. Paris: Bordas, 2005. 511 p.

References

1. Abdullina A. Sh., Lysova O. V. *Simvolny snov v romane T. Garipovoy «Boyrakay» («Burenushka»)* [Symbols of dreams in T. Garipova's novel «Boyrakay» («The Burenushka»)]. *Problemy vostokovedeniya* [Problems of Oriental Studies], 2019, no. 2 (84), pp. 39–45. (In Russian)
2. Andreev A. N. *Tselostniy analiz literaturnogo proizvedeniya: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Holistic analysis of a literary work: a textbook for university students]. Minsk: Elektronnaya kniga BGU Publ., 2003. 144 p. (In Russian)
3. Androsova T. L., Vasilyeva T. N. *Osobennosti khudozhestvennoy detali v povesti V. Gavrilyevoy «Lubov oseni»* [Features of an artistic detail in V. Gavrilyeva's novella «Love of Autumn»]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The world of science, culture, and education], 2019, no. 5 (78), pp. 534–537. (In Russian)
4. Bestolkov D. A. *Printsipy khudozhestvennoy aktualizatsii psikhologizma v rasskazah Ivana Melezha* [The principles of artistic actualization of psychologism in Ivan Melezh's short stories]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [The Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Studies], 2017, no. 1 (4), pp. 70–71. (In Russian)
5. Bocharov S. G. *Filologicheskie syuzhety* [Philological subjects]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2007. 653 p. (In Russian)
6. Gerasimenko E. V., Lushnikova G. I. *Khudozhestvennye formy sozdaniya psikhologicheskogo portreta glavnoy geroinin v romane Gillian Flinn «Ischeznuvchaya»* [Artistic forms of creation of a psychological portrait of the main character in Gillian Flynn's novel «The Disappeared»]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The world of science, culture, and education], 2019, no. 4 (77), pp. 318–320. (In Russian)
7. Ginzburg L. Ya. *O psikhologicheskoy proze* [About psychological prose]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977. 448 p. (In Russian)
8. Gorzhaya A. A. *Psikhologicheskaya zhenskaya proza kak obyekt issledovaniya* [Psychological women's prose as an object of research]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and legal studies], 2020, no. 2, pp. 75–181. (In Russian)
9. Drovalova N. A. *Khudozhestvennaya spetsifika portreta v simvolicheskoy proze* [Artistic specificity of the portrait in symbolic prose]. *Filologicheskij klass* [Philological class], 2020, no. 2 (25), pp. 150–167. (In Russian)
10. Esin A. B. *Psikhologizm russkoy klassicheskoy literatury* [Psychologism of Russian classical literature]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1988. 176 p. (In Russian)
11. Esin A. B. *Printsipy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniya* [Principles and techniques of literary work analysis]. Moscow: Flinta Publ., 2008. 248 p. (In Russian)
12. Zhindeeva E. A. *Ispovedalnost povestvovaniya G. Pinyasova (na primere povestey «Krest», «Posledniy iz Karguzhey»)* [Confessional narration of G. Pinyasov (on the example of the novellas «The Cross», «The Last of the Karguzhs»)]. *Mordovskaya filologiya v kontekste natsionalnoy kultury: mater. Vseros. nauch.-pr. konferentsii (23–24 marta 2006 g.)*

[Mordovian philology in the context of national culture: materials of the All-Russian scientific and practical conference (23–24 March, 2006)]. Ed. by V. M. Makushkin. Saransk: Mordov. gos. ped. in-t Publ., 2006. pp. 73–79. (In Russian)

13. Zaytseva E. L. *K voprosu o poetike psihologizma v romannoy proze A. F. Pisemskogo* [To the question of the poetics of psychologism in A. F. Pisemsky's novel prose]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary studies, journalism], 2007, no. 1, pp. 3–7. (In Russian)

14. Katorova A. M., Makarova Yu. V. *Osobennosti khudozhestvennoy rechi v rasskaze G. Pinyasova «Patsyaftoma vayme» (Dusha bez krylyev)* [Features of artistic speech in G. Pinyasov's short story «Patsyaftoma vayme» («The Soul Without Wings»)]. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordovia* [Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia], 2017, no. 4 (44), pp. 132–137. (In Russian)

15. Kudryavtseva R. A. *Hudozhestvennaya detal kak priem psihologizatsii povestvovaniya v mariyskom rasskaze kontsa XX veka (na primere rasskaza Gennadiya Alekseeva «Zharkiy den»)* [Artistic detail as a method of psychologizing of narrative in Mari story of the end of the XX century (on the example of the story of Gennadiy Alekseev's short story «The Hot Day»)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State university], 2009, no. 5 (143), pp. 61–66. (In Russian)

16. Malkina M. I., Kubantsev T. I. *Povest: obnovlenie traditsiy* [Novella: the renewal of traditions]. *Sovremennaya mordovskaya literatura (60–80-e gody). V 2 ch.* [Contemporary Mordovian literature (60s–80s). In 2 parts]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1991. Part 1. pp. 134–158. (In Russian)

17. Mikolaychik M. V. *Hudozhestvenny psihologizm i ego mesto v sisteme literaturovedcheskih terminov i ponyatiy* [Artistic psychologism and its place in the system of literary terms and concepts]. *Voprosy russkoy literatury* [Issues of Russian literature], 2014, no. 29 (86), pp. 134–143. (In Russian)

18. Pinyasov G. I. *Zharkoe leto: Povest i rasskazy* [The Hot Summer: Novella and short stories]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1980. 208 p. (In Russian)

19. Pinyasov G. I. *Starye rany: Povesti i rasskazy* [The Old Wounds: Novellas and short stories]. Saransk: Mordov. kn. izd-vo Publ., 1995. 384 p. (In Russian)

20. Strakhov I. V. *Psihologicheskiy analiz v literaturnom tvorchestve: posobie dlya studentov ped. in-tov: v 5 ch. Ch. I* [Psychological analysis in literary creativity: a manual for students of pedagogical institutes: in 5 parts. Part 1]. Saratov: Izd-vo Sarat. ped. instituta Publ., 1973. 57 p. (In Russian)

21. Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2004. 405 p. (In Russian)

22. Brunei P. *La littérature française aujourd'hui: Essai sur la littérature française dans la seconde moitié du XX-e siècle*. Paris: Vuibert, 1997. 222 p. (In French)

23. Blanckeman B. *Le Roman français aujourd'hui: transformations, perceptions, mythologies*. Paris: Pretexte, 2004. 123 p. (In French)

24. Lubbock P. *The craft of fiction*. New York: Fontana Press, 1957. 247 p. (In English)

25. Wiese Benno von. *Der deutsche Roman: Vom Barock bis zur Gegenwart: Struktur und Geschichte. 2: Vom Realismus bis zur Gegenwart*. Dusseldorf: Bagel, 1965. 455 p. (In German)

26. Viart D., Vercier B. *La littérature française au présent. Héritage, modernité, mutations*. Paris: Bordas, 2005. 511 p. (In French)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Левина Наталия Николаевна, доцент кафедры финно-угорской филологии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева» (430000, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Демократическая, д. 69), кандидат филологических наук, доцент.

LEV.NataliyaN@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0003-4826-8607

ABOUT THE AUTHOR

Levina Natalia Nikolaevna, Associate Professor, Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

LEV.NataliyaN@yandex.ru

ORCID.ID: 0000-0003-4826-8607